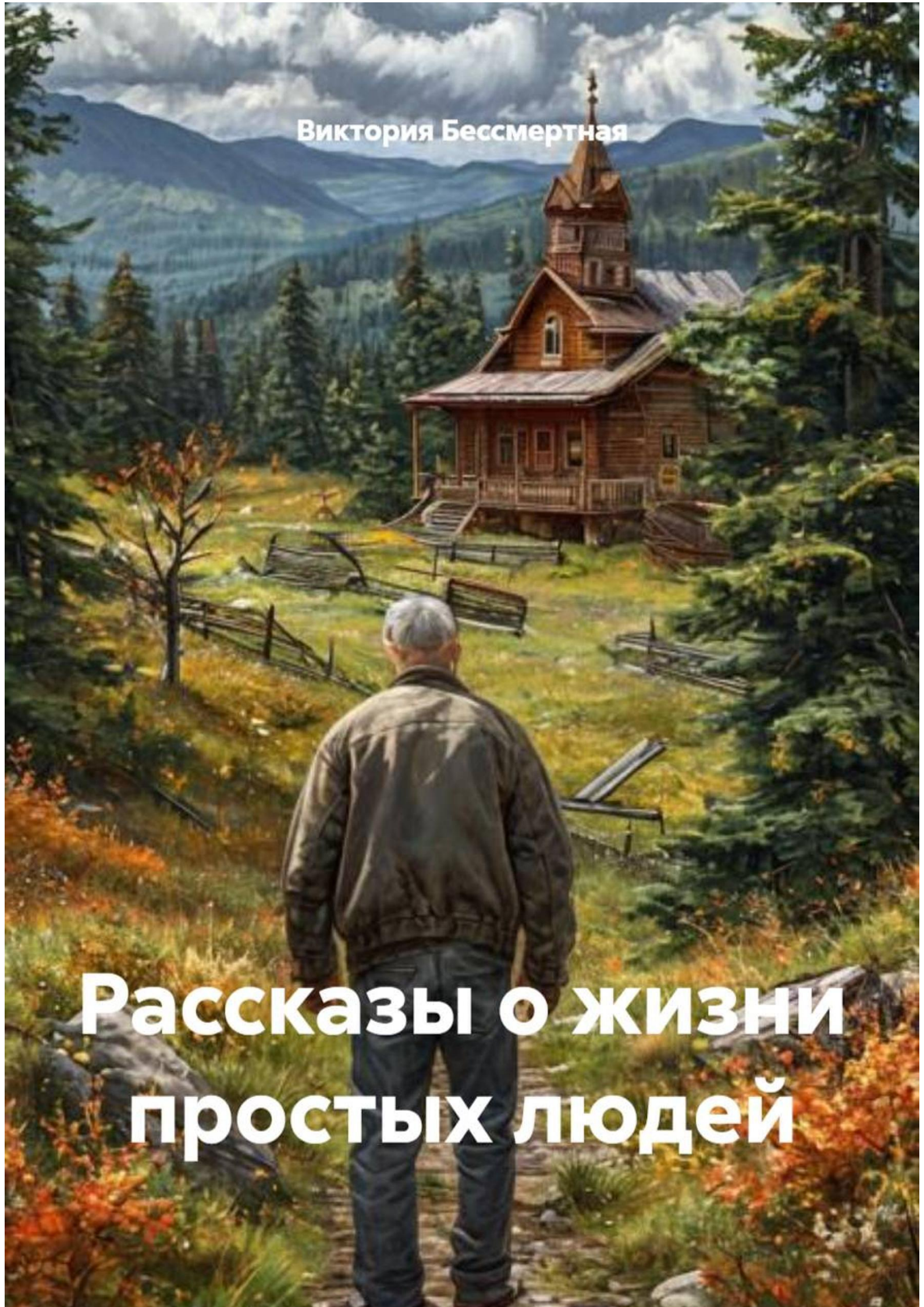

A detailed oil painting of a man with grey hair, seen from behind, standing on a stone path and looking towards a two-story wooden church with a tall, ornate steeple. The church is situated on a grassy hillside, surrounded by dense evergreen and deciduous trees. In the background, rolling mountains are visible under a sky filled with dramatic, white and grey clouds. The foreground is filled with autumn foliage in shades of orange and yellow.

Виктория Бессмертная

Рассказы о жизни простых людей

Виктория Бессмертная

Рассказы о жизни простых людей

«Автор»

2026

Бессмертная В.

Рассказы о жизни простых людей / В. Бессмертная — «Автор», 2026

Эти небольшие рассказы показывают и описывают жизнь простых россиян, таких, как ты и я. Любой из нас может оказаться на их месте. Прототипы героев рассказов обычные северяне, сибиряки. Они живут, любят, спешат на помощь, решают свои проблемы. Их жизнь - жизнь страны в девяностые годы прошлого века. В рассказах нет бандитских разборок, мордобоев, жестокости и злобы. Они насыщены любовью и уважением к людям.

© Бессмертная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Крепкий орешек	5
Алкоголик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктория Бессмертная

Рассказы о жизни простых людей

Крепкий орешек

Алевтина распахнула настежь окно. В комнату ворвался свежий теплый воздух, насыщенный смолянистым запахом хвои, терпким ароматом вереска. С высоты девятого этажа весь ее маленький городок виднелся как на ладони. В округе на сотни километров не было ни одного поселения. Город напоминал остров среди бескрайней зелени тайги. Только избушки охотников и рыбаков, стоящие на берегу реки, можно было увидеть в нескольких километрах от города.

У кромки воды застыли портовые краны в ожидании редких судов. Деревянные жилые дома и производственные постройки покосились, местами разрушились и представляли печальное зрелище. В новом микрорайоне стояли кирпичные пятиэтажки. Чахлые березки и плавник росли вдоль единственной дороги, соединяющей старую часть города и новую. Но отсутствие зелени на улицах с лихвой компенсировала тайга, местами сменяющаяся багровыми проплешинами тундры.

Несмотря на солнечное ясное летнее утро, такое редкое в этих краях и приближающийся личный юбилей, настроение у Алевтины было скверное. На сердце лежала тяжесть. Недовольство, переходящее в раздражение, граничащее с яростью, периодически охватывало все ее существо. На прошедшей планерке новый глава администрации поздравил ее с пятидесятилетием и откровенно намекнул о заслуженном отдыхе. Но не явный намек, конечно по ее мнению несправедливый, выводил Алевтину из состояния равновесия. Этот-то неприятный факт она всегда могла уладить со свойственной ей ловкостью. Слова мэра о пенсии вызвали у нее только улыбку. Она хорошо знала, что он не справится с управлением города без ее помощи. Она родилась здесь и знала его жителей, как себя. Многие из директоров или ведущих сотрудников местных организаций были ее одноклассниками и до сего дня поддерживали с ней неплохие отношения. А это многое значило в управлении городом. И поэтому ровно никакого значения не придавала словам Александра Михайловича. В ее памяти вновь и вновь всплывала вечерняя передача местного телеканала и высекала в сердце очередную волну гнева.

Местная журналистка рассказала о судебном заседании, на котором были обвинены в растрате денег из кассы продавцы коммерческого ларька. Одна из продавщиц – жена двоюродного племянника Алевтины. А Алевтина, занимая должность первого заместителя главы администрации города, была его, что называется, правой рукой, и принимала близко к сердцу все, что хоть как-то, даже отдаленно, касалось ее большой семьи. А семья была большая. Иногда она в шутку сравнивала ее с кланом, эдаким восточным улусом, где каждый из членов, дальний или близкий, выполнял свои обязанности по отношению к главе, то есть к ней. А она, в свою очередь, по мере сил, заботилась о всех членах семьи, устраивала их на работу, определяла детей в детский сад, беседовала с педагогами об успеваемости школьников, защищала от обид, давала советы. Она любила семью. Да, она не кривила душой – она действительно любила всех ее членов, старых и молодых, ближних и дальних! Родственники это знали, ценили ее заботу и тоже любили ее, во всяком случае, она так думала.

Конечно, она знала об этой краже, и конечно, приняла меры по своим каналам. Но..., эта передача! Как же она не усмотрела? Как же она вовремя не заметила опасность этой журналистки? Она, она, Алевтина, которая контролировала газету и телевидение в городе, как она могла не обратить внимания на эту сотрудницу?

Масло в огонь подлил муж. Как обычно он пришел с работы слегка навеселе и, развалившись в кресле, небрежно сбрасывая пепел от дымящейся сигареты на ковер, а это она не переносила, смотрел передачу и ехидно посмеивался.

– Ха. Это твоя родня. Твоя кровь. Твои гены. – Заметил он и, с кажущейся невинностью во взгляде, посмотрел на жену. Алевтина краснела и бледнела, некрасиво покрываясь красными пятнами.

– Это жена моего племянника. И гены моей матери и отца к ней не имеют отношения. – Сдерживаясь, стараясь быть спокойной, ответила она.

– Об отце я не говорю. Мужик был что надо. А вот мать! В нее и дочь твоя пошла, и жена к племяннику такая же пришла.

Воспоминания о суде над матерью, когда Алевтине только что минуло пятнадцать лет, всегда были для нее неприятны. Она старалась не осуждать мать за то, что та, работая главным бухгалтером, растратила бюджетные средства и была осуждена. Алевтина старалась вычеркнуть из памяти эти годы, забыть о той давней истории, но люди, события, как назло, постоянно напоминали о ней. Что же касалось дочери, с детства имевшей тягу к чужим вещам, то здесь ситуация была иная. Алевтина верила – когда дочь вырастет, ее порочная склонность исчезнет. Для порядка она ругала девочку. И действительно, дочь постепенно начала исправляться, а когда выросла, оказалось, что все ее скверные привычки ушли в прошлое.

– Не смей! Слышишь! Не смей трогать мою мать и дочь! Не тебе судить! Когда с матерью такое произошло люди голодом сидели, есть было не чего. Я еще ребенком была, но хорошо помню это время. Я ее не осуждаю. Она брала, чтобы нас детей прокормить. Она уже давно ответила за это. И не зачем ворошить прошлое. – Алевтина почувствовала, что спокойствие, которое она с трудом сохраняла, начинает покидать ее. На мгновение ей стало страшно. Она представила, что вот сейчас, если он не замолчит, то она не сдержится и отвесит ему пощечину. Воображение дорисовало все, что за этим должно последовать. С трудом сдерживаясь, она вложила в слова всю силу своего убеждения.

– Петр! Не гневи меня! Иди ляг и хорошенько выспись! Мне еще поработать нужно!

Муж, услышав в ее голосе металлические нотки, предвещающие скандал и также, очевидно, не очень желая его, нехотя встал с кресла и побрел в свою комнату, на ходу бурча что-то себе под нос.

Как только дверь в соседнюю комнату за мужем закрылась, Алевтина обхватила голову руками. Она едва сдерживала слезы обиды. Мать, дочь! Как он смеет? Что он понимает? Он и не догадывается, как трудно одной женщине вырастить ребенка. Если бы он хоть на мгновение представил, как страдала она, когда осталась одна с дочерью на руках после первого развода, как ей было больно, как ей было тяжело перенести предательство человека, которого она любила первой нежной любовью. Да, она ошиблась, но в молодости ошибаются почти все люди. Разве ее вина в том, что жизнь с первым мужем не сложилась? В то время, если бы ей нечем было кормить дочку, то она бы поступила как ее мать! Но, к счастью, когда она растила девочку, наступили другие времена. Алевтина сделала отличную карьеру. Уже с двадцати пяти лет она работала в горкоме комсомола, затем ей предложили должность заведующей отделом в горкоме партии. А дальше уже не нужно было прилагать свехусилия, чтобы подниматься по ступенькам открывающейся карьеры административного работника. Ей и не нужно было воровать! А чтобы сделал Петр, если бы он или его сын голодали?

Петр был ее вторым мужем. Он с молодости работал водителем автобуса, да так до пенсии и остался им. К карьере он не стремился, несмотря на то, что она многое могла сделать для него. На все ее предложения продвинуть мужа по службе, он отвечал. «Хочешь – расти, я тебе не мешаю, а меня не заставляй. Я люблю свою работу и менять не буду». Она слегка презирала мужа за непрактичность. С годами легкая неприязнь переросла в откровенную вражду. Она старалась не появляться вместе с мужем на официальных приемах, да и в гости к сослужив-

цам как-то привыкла приходить одна, ссылаясь на вечернюю работу супруга. Вскоре Алевтина начала понимать, что Петр – ее вторая самая страшная ошибка в жизни. Но внешне семья показывала ровные, заботливые отношения друг к другу и видимое благополучие. Их мальчики подрастали. И менять что-либо в личной жизни не хотелось ни ей, ни ему. Возраст, когда можно было рискнуть с двумя детьми уйти от мужа, давно прошел. Старший сын, Виталий учиться после окончания школы не захотел, видно пошел в отца, хотя Алевтина могла его устроить в любой институт. Он жил и работал в областном центре. А год назад, после окончания восьмого класса к нему уехал и Володенька, ее самый любимый сын, ласковый, добрый мальчик. Перед отъездом Володя долго прощался с ней. Ему не хотелось расставаться с мамой, уезжать из дома. Она знала, что сын очень любит ее и она, в свою очередь, обожала младшенького. Володя поступил в экономический колледж и хорошо учился. Валентина ожидала от него блестящего будущего.

Ребята уехали. Петр, как будто потеряв нечто, что удерживало его в жизни, начал потихоньку выпивать. Супруги поняли, что долгие четверть века их связывали только дети. Вскоре трения и разногласия в семье стали переходить в скандалы. Подобные сцены случались все чаще и чаще, и бывало Алевтина, не сдержавшись, поколачивала мужа. Жизнь проходила, а обычного семейного, человеческого счастья, о котором она мечтала, не было. Вчера еще и эта передача!

Алевтина уснула поздно, выпив таблетку от головной боли и валерианку. Она спала без сновидений и проснулась с первыми лучами солнца. Но утро не обрадовало ее. Вчерашняя обида напомнила о себе, ее вновь охватило раздражение.

Посмотрев на часы, Алевтина разбудила мужа и, пока тот готовил завтрак, занялась своим туалетом. Она надела любимый розовый костюм, который очень молодил ее, подчеркивая не по годам стройную фигуру, тщательно, стараясь скрыть морщины, которые все четче выступали на лбу, под глазами и не ко времени старили лицо, нанесла косметику, причесала длинные, волнистые, белокурые волосы и аккуратно уложила их в прическу.

«Через день исполнится пятьдесят. Юбилей! Нужно подготовиться к событию. Опять хлопоты». – Подумала она. – «И такой подарок к празднику! Нет, я этого не перенесу, я это так не оставлю!»

Всю дорогу тяжелые думы не отпускали ее. Мысли бежали по кругу: местное телевидение, журналистка, передача, местное телевидение, журналистка, передача! Нет, этого так оставить нельзя! Все ее существо терзало возмущение, раздражение и ярость. По пустынной, в этот ранний час, улице только легкий ветер, поднимая пыль, катил обрывки бумаг и пустые полиэтиленовые пакеты. Ничто не отвлекало ее от желанного состояния. В какой-то степени она была довольна, что комок недовольства живет и разрастается, не давая ей покоя. Она поймала себя на мысли, что ей нравится это состояние. Она упивалась им! Она его лелеяла и любила.

Алевтина подошла к зданию администрации. И только тогда в ее сознание, нарушая внутреннее сосредоточение и окружающую тишину города, проникли первые звуки. На улицах появились первые прохожие, открылись магазины, ларьки. Появились первые машины, послышались крики и плач упирающихся детей, которых мамы волокли в ближайший детский сад. Из окон стоящего рядом дома разносилась ругань жильцов – как все это было знакомо и близко ей. Это был ее город! Она не то чтобы любила его, а скорее ощущала себя его покровительницей. Она – второй человек в городе! Все его жители, встречаясь с Алевтиной на улице, здоровались, улыбаясь. И в их улыбках она читала подобоострастие. О да, они знали, что многое в их жизни зависит Алевтины, от ее отношения к ним. Иногда ее сердце трепетало от одной только мысли, что она может повлиять на судьбу любого, обратившегося к ней человека. И это чувство еще более укрепляло ее ощущение собственной значительности и придавало силы.

Алевтина первой вошла в здание городской администрации. Появляться в администрации первой в течение долгих лет было ее привилегией. Ей доставляло удовольствие через открытую дверь своего кабинета наблюдать, как входят подчиненные. Ей нравился деловой шум, наполняющий помещения шелестом бумаги, работой принтеров, дребезжанием телефонов, мерными, спокойными голосами сотрудников. Это был мир к которому она привыкла, который любила, без которого не представляла свою жизнь. Это был ее мир, мир в котором она прожила добрую четверть жизни!

Сегодня Алевтине предстоял трудный день. Она закончила подготовку документов по сокращению сотрудников администрации и некоторых городских организаций. Не все высвобожденные работники достойно могли принять это сообщение, поэтому она ожидала скандалы, слезы и ругань, как естественные издержки в своей работе. Она не выносила подобные сцены, но ничего не могла, да и не хотела изменить в уже решенных ею судьбах этих людей.

Алевтина вошла в свой кабинет и оставила дверь открытой. Молоденькая секретарь появилась минут через десять. Алевтина кивнула головой в ответ на ее вежливое приветствие.

– Передайте списки юристу для обоснования. К обеду пусть доложит свои соображения и подготовит приказы по администрации. – Отдала она документы девушке и добавила. – Принесите утренние газеты и план мероприятий к празднованию дня города. Спустя несколько минут секретарь внесла и положила на стол Алевтине местную газету и папку с документами.

– Можете идти к себе. Надолго не отлучайтесь, вы скоро мне понадобится. – Сказала она. Девушка вышла и, зная привычку Алевтины, оставила дверь ее кабинета приоткрытой. Алевтина взяла газету, развернула и принялась читать статью, напечатанную к ее юбилею.

«В истории нашего города есть люди, которые становятся его своеобразным символом. Именно такой человек живет в нашем городе. Это Алевтина Андреевна Деревянко. Ее знают все его жители. Ее имя упоминается в разговорах, мелькает на страницах местной газеты, появляется в программах на местном телевидении. Сквозь печатные строки, выступления по телевидению сквозит ее искреннее внимание к жизни города и его жителей, Она, эта сильная, волевая женщина ежедневно и ежечасно чутко прислушивается к пульсу жизни маленького городка, дабы все в нем было спокойно и хорошо.

В далеком пятидесятом году ее родители уехали на Крайний Север. По словам старшей сестры Алевтины Андреевны – Светланы Андреевны, родители подолгу находились на работе, и воспитанием детей занималась нанятая гувернантка, немка по национальности. «Мы с Алей, – вспоминает она – постоянно слышали немецкую речь. Моя сестра совсем не говорила на русском языке». Алевтина Андреевна до сих пор в оригинале читает книги на английском языке и со словарем переводит тексты с немецкого».

Хорошо написала Надежда. – Подумала Алевтина, внимательно вчитываясь в газетные строки. – Старается. Пусть, пусть старается. Пусть доказывает свою преданность. В наше время преданные сотрудники слишком редки. И если они появляются, их нужно ценить. Только вот с немецким и английским языком получилась глупость. Нужно указать на ошибки. С детства говорю по-немецки, а вот читаю со словарем. Надеюсь, что никто ничего не поймет. Так..., так..., здесь дальше о работе, все правильно и хорошо: секретарь горкома ВЛКСМ, затем партком, вновь горком ВЛКСМ, и снова горком партии. «Что дало силы выжить в начале девяностых и остаться в администрации города до сих пор? Наверное, неисчерпаемая сила духа, внутренняя негибкость, вера в правду и, конечно же, огромное трудолюбие».

Да, что-то, а силы духа мне не занимать. Я пережила добрый десяток руководителей города. И к каждому нашла подход. На моей должности по-иному удержаться невозможно. Чего стоил предыдущий мэр? Два раза пытался меня уволить. К счастью ему это не удалось. Со мной трудно бороться. Я выйду победителем из любой драки. Так..., что там она пишет далее?

«... Многие из нас, хоть однажды, обращались к Алевтине Андреевне за советом или помощью. Честно говоря, многие ее побаиваются. Но ведь Деревянко не любит церемониться

и «лить воду». Скажет в лицо всю правду, если ты ее заслужил. Но она всегда поддержит нас, всегда подскажет, где-то сгладит конфликт, где-то выручит.

Умеет Деревянко расположить людей к себе. Она из тех в аппарате управления, к кому в первую очередь идут пенсионеры, когда им что-то непонятно. Для каждого старика у нее всегда найдется свободная минута времени и теплое, подбадривающее слово...».

В общем и целом, за исключением недостатка с иностранными языками, получилось неплохо. Молодец, учла все ключевые моменты биографии, работы и общения с людьми. Статья вышла к стати. Пусть мэр прочтет и поймет, с кем имеет дело. Я ему не воробышек-одногодок, меня он на пенсию с пятидесяти лет не выставит. Он себе шею сломает.

Неожиданно зазвонил телефон и прервал поток ее мысли. Она недовольно поморщилась, и подняла трубку.

– Алевтина Андреевна. К вам настойчиво просится посетитель.

– Кто?

– Марина Лапина.

– Пусть войдет.

Двери отворились, и в кабинет стремительно вошла Марина, жена ее племянника, стройная черноволосая красавица, похожая на грузинку. По тому, как она, казалось обессиленная, осела на стул и теребила сумочку в руках, Алевтина поняла цель ее посещения, но молча, выдерживая паузу, внимательно смотрела на племянницу.

– Тетя Аля, вы видели вчера передачу? – Спросила Марина.

– Просмотрела. – Коротко ответила Алевтина.

– Неужели все это так и останется безнаказанным и журналистка, эта Скворцова, эта дрянь, будет торжествовать? – Со слезами в голосе, достав из сумочки изящный кружевной носовой платочек и вытирая уголки глаз, в которых поблескивали слезинки, говорила Марина.

– Не плачь. Не расстраивайся. Она не стоит твоих слез. И помни, я тебя в обиду не дам. – Успокаивающе, но с легким укором ответила Алевтина.

Марина улыбнулась сквозь слезы, которые так успели соскользнуть по щекам, оставив две светлые и чистые полосы.

– Ты сначала объясни мне, зачем брала деньги из кассы?

– Тетя Аля, поверьте, они были очень нужны! Я положила бы их на место через месяц. Поверьте мне, это правда. Да, если б не ревизия не ко времени, так никто и не узнал бы. А ревизия не вовремя произошла, но мы сразу же начали выплачивать эти деньги. – Путано объясняла Марина, заискивающе проглядывая на всесильную родственницу.

– Ты мне не сказала зачем, зачем брала такую большую сумму? Ты ведь неплохо получаешь. Я устроила твоего мужа на хорошую работу с высокой зарплатой! Вам что, не хватает денег? – Настойчиво переспросила Алевтина, нахмутив брови. Марина удивленно смотрела на нее и молчала. Казалось, она не понимала вопроса.

– Отвечай! – Потребовала Алевтина.

– В отпуск хотели съездить. Да вы ведь знаете, что у нас в течение года были большие покупки. Скопить на отпуск не успели. Эх, если бы не ревизия. – Смутившись, вдруг тихо и робко начала Марина.

Алевтина внимательно смотрела на нее. Ее попеременно охватывало чувство досады от того, что девчонка не понимает, что натворила и жалость к ней. А ей, Алевтине, ох, как было понятно, как в молодости хочется красиво одеться и весело отдохнуть в отпуске, а на все это необходимы деньги и немалые деньги. Но Алевтина не хотела говорить об этом племяннице. Но было и нечто, о чем она не могла молчать. Она строго, укоризненно сказала.

– Когда ты брала из кассы чужие деньги, подумала о том, что будут люди говорить обо мне?

Марина вновь затихла и удивленно посмотрела на тетю, затем тихо спросила. – А причем здесь вы, тетя Аля?

– Ты моя родственница. Пусть и дальняя, но родственница. Добрая половина жителей нашего города хорошо об этом знают. Ты должна думать и о том, как твои поступки отразятся на моей работе, повлияют на мой авторитет! Я вижу, что ты ни о чем не думаешь. – С досадой сказала она, видя, что Марина, как и прежде широко раскрытыми от удивления глазами смотрит на нее.

– А сейчас иди, и хорошенько подумай о том, что я тебе сказала. Мне нужно работать.

Когда дверь за племянницей закрылась, Алевтину вновь охватило раздражение, исчезнувшее было после чтения статьи. Она вновь погрузилась в свои нерадостные мысли. Она думала о том, что зря не настояла на увольнении Скворцовой год назад, когда в очередной раз в администрации города выбирали главу. Тогда, перед выборами, на которые Алевтина выставила свою кандидатуру, в газете появилось интервью, взятое у горожан на улицах города. Это интервью оказалось роковым для нее. Жители в один голос, так она поняла из опроса, отказались видеть женщину на посту мэра. И Алевтина еще тогда испытала безмерное негодование. Она убедилась в том, что Скворцова низкий, бесчестный человек, ее враг, который затаился и рано или поздно нанесет удар в спину. И не ошиблась. Удар пришелся к ее пятидесятилетию, когда ее положение в администрации было самым слабым за последнее время. И не потому, что она не справлялась с работой, а потому, что новый мэр, а она в этом не сомневалась, используя ее помощь, ее умение выполнять деликатные поручения, в то же время побаивался ее воли, ее решительности и способности выполнять эти крайне деликатные поручения. Мэр вскоре узнал, что она – его первый заместитель – «крепкий орешек с сюрпризом». Этот сюрприз может оказаться неожиданным для него в любой момент. И потому, ждал того дня, когда Алевтине исполнится пятьдесят и ее можно будет, без лишних хлопот, отправить на пенсию и таким образом спокойно освободиться от очень опасного и сильного заместителя.

«Кто может стоять за Скворцовой?» – Думала Алевтина, вспоминая все знакомства журналистки. В их маленьком городке, где все и все друг о друге знали, выяснить все связи оказалось не трудно. Оценив окружение Скворцовой, она пришла к выводу, что, скорее всего, за ней никто не стоит. Но тогда почему она задела ее? Ответ на этот вопрос оказался таким же простым. Личная неприязнь, только личная неприязнь и ничего кроме этого, подумала Алевтина. И это упрощает все дело! Пусть знает, что значит задеть саму Деревянко!

Но найти причину этой неприязни, как она не пыталась, или вспомнить момент, когда та могла зародиться, Алевтина не могла. «Но это дело не меняет». – Решила Алевтина. «Доверять ей я уже не смогу. Нужно подумать, как убедить главу сократить ее должность. Это не просто сделать! В администрации всем известно, что мэр Александр Михайлович проявляет знаки внимания к Скворцовой и покровительствует ей. Но вместе с тем, вдвоем их еще не замечали. Город маленький – все тайное скоро становилось явным. И тогда все его жители обсуждали очередную новость. Но об этих двоих пока молчали. Она женской интуицией понимала, что отношение мэра к Скворцовой пока ограничивалось вниманием, возможно с расчетом не будущее. Журналистка пока общалась с мэром вежливо, но подчеркнуто официально и исключительно по делу.

«Итак». – Думала Алевтина. «Можно попробовать! Но с чего начать? Ясно, что о его делишках с поставками топлива я напому, если он повторит свое желание видеть меня на пенсии. Выбрасывать этот козырь можно только в крайнем случае. Необходимо найти что-нибудь по проще. И все же, чем его взять? Чем?». – Она сосредоточилась и перебирала всю информацию о Скворцовой, надежно хранящуюся в ее памяти. – «Ах, да! Нашла! У меня сохранилась областная газета со статьей о положении в городе. Статья резко критическая, под-

писана псевдонимом, но за версту чувствую стиль Скворцовой. Я убеждена – автор она. Для мэра этого будет достаточно.

Алевтина открыла сейф, вытащила папку с областными и местными газетами, статьи которых чем-либо заинтересовали ее и, порывшись в них, быстро отыскала нужную. Она вытащила газету, сложила ее так, чтобы статья о городе сразу же бросилась в глаза мэру, взяла подготовленные на подпись документы и вызвала секретаря.

Девушка немедленно появилась в кабинете.

– Александр Михайлович у себя?

– Еще не подошел. Он позвонил и предупредил, что приедет с минуты на минуту. –

Ответила секретарь.

– Положите эти документы в папку на подпись главе и пригласите ко мне Надежду Ивановну. – Велела Алевтина и углубилась в изучение бумаг, лежащих на столе.

Секретарь вышла. Алевтина с головой ушла в работу. Она не слышала, как открылась дверь и в кабинет вошла заведующая статистическим отделом, невысокая, полноватая женщина с мягким добродушным лицом. Весь ее вид располагал к себе, открывая сердца и души общающихся с ней людей.

– Садись, Надежда. – Алевтина приветливо улыбнулась, указав ей на стул напротив себя.

– Ну, рассказывай, что у нас новенького?

– Вчера Иваненко ушла с работы на полчаса раньше. – Немного подумав, ответила тихим, ласковым голосом Надежда Ивановна.

– Ты знаешь, почему ушла?

– Мне она сказала, что звонили из детского сада и сообщили о болезни ее ребенка. Сегодня она вышла на работу.

– Так. Хорошо. Проверь, так ли это. Если ребенок здоров, возьми объяснительную. Что еще?

– Катя Емельянова и Семен Алексеевич... между ними что-то есть. – Надежда Ивановна загадочно замолчала, игриво поведя глазами и слегка улыбнувшись, продолжила. – Ну, вы меня понимаете? Конечно, это не наше дело. Но, ведь у них семьи, дети!

– Откуда знаешь?

– Вчера вечером на берегу их видела вместе. Смотрели друг на друга так, как..., в общем, понятно все.

– Дальше. – Алевтина была довольна этим сообщением, но виду не подала. У нее хранилась информация почти на каждого сотрудника, которая могла в любой момент пригодиться. А о Семене Алексеевиче, заведующем отделом по делам молодежной политики, ничего не было. И это – первое сообщение, да какое сообщение! Катя Емельянова ее интересовала меньше всего. Так! Всего лишь машинистка в отделе культуры.

– Кажется все. – Ответила Надежда Ивановна.

Алевтина развернула местную газету и положила на стол перед Надеждой Ивановной. Она указала на подчеркнутые красным карандашом строки, вызвавшие ее недовольство. – Что скажешь на это? Исправить уже ничего нельзя!

– Извините, я пропустила эту деталь. – Надежда Ивановна покраснела и как-то сжалась неестественно улыбаясь. Она неплохо знала Алевтину, не раз была свидетелем того, чем заканчиваются подобные промахи для нижестоящих сотрудников и поняла, что сделала серьезную ошибку. Чтобы защитить себя, она, мгновенно перевела раздражение Алевтины на другую сотрудницу.

– Алевтина Андреевна, я еще не все вам сказала. Дежурная Ковалева вчера рассказывала знакомой о том, какая у вас заработная плата.

– Ты слышала сама? – Алевтина насторожилась.

– Мне передала этот разговор приятельница. От кого Ковалева узнала о вашей заработной плате, я не знаю, но обязательно выясню. Но ведь она даже указала сумму, которую вы получили.

– Совпадает с полученной зарплатой? – Алевтина недовольно поморщилась. Ее раздражали эти кулуарные разговоры о доходах руководителей администрации. Но бороться с подобными разговорами она не могла. И это ее злило безмерно.

– Я не знаю. Но сам факт обсуждения возмутителен!

– Хорошо. Спасибо. Ты можешь идти к себе. И, пожалуйста, будь внимательней в следующий раз. Если в чем-то сомневаешься, лучше подойди ко мне и уточни. – Сказала ей в след Алевтина. Оставшись одна, она походила по кабинету, словно нечто важное решая, затем набрала номер телефона и вызвала юриста администрации. Когда в трубке послышался знакомый голос, она спросила.

– У вас уже готовы приказы на сокращение?

– Сегодня к двенадцати дня управимся.

– Внесите в список еще одну фамилию.

– Алевтина Андреевна, мы уже все подготовили, все просчитали, и сегодня после обеда будем знакомить людей под роспись. – Недоуменно ответил юрист.

– Проблем с одной ставкой не будет. Внесите в список должность дежурной Ковалевой. Оставшиеся трое вполне справятся с работой. Кроме того, появится подработка. Так даже лучше для них. Ведь у них маленькие оклады.

– Что скажет мэр? Ведь фамилии уже согласованы! – Протестовал юрист.

– Об этом не беспокойтесь. Я все улажу. Чтобы к обеденному перерыву все было готово.

– Тоном, не допускающим возражения, ответила Алевтина и опустила трубку.

Алевтина погрузилась в любимую работу. Она отвечала на звонки, отдавала распоряжения, принимала сотрудников и посетителей. И только изредка, при воспоминании о вечерней передаче, у нее портилось настроение. Но она брала себя в руки и, как и прежде, вежливо или ласково, в зависимости от ситуации, улыбалась посетителям, строго отчитывала провинившихся подчиненных и в тайниках своего сердца лелеяла мысль, что вот сейчас мэр вызовет ее и даст распоряжение о сокращении штатной единицы журналистки на телестудии. Она знала, что это обязательно произойдет или она ничего не понимает в людях. Незаметно промелькнул обеденный перерыв, время перевалило за полдень, рабочий день близился к концу. Она слышала голос Александра Михайловича, беседовавшего с посетителями, но не выходила из кабинета, ожидая его появления у себя.

Раздался робкий стук в дверь.

– Войдите. – Громко ответила Алевтина.

Дверь отворилась и в кабинет вошла Ковалева – пожилая женщина с покрасневшими от слез глазами. Алевтина пригласила ее сесть и мягко, вежливо спросила, что случилось.

Женщина, едва сдерживая рыдания, рассказала, что ей вручили сообщение о сокращении с должности. Остаться без работы для нее очень тяжело. Ее дочь учится в университете, а маленькая внучка находится на ее полном содержании. Ее маленькой пенсии недостаточно, чтобы помогать дочери и кормить внучку. Если ее сократят, то дочери придется оставить учебу, что невозможно, так как ей осталось учиться всего год.

– Алевтина Андреевна, я вас очень прошу, поговорите с мэром. Может быть, он даст распоряжение оставить меня на работе. Я здесь работаю более двадцати лет. Помогите мне! Если меня уволят, я уже нигде по возрасту не устроюсь на работу. – Умоляюще просила женщина.

– Успокойтесь. – Ответила Алевтина. – Я ничего не могу вам обещать, но я поговорю с главой. Но и вы должны понять. Сокращение штатов вызвано уменьшением финансирования. Мы только следуем инструкциям из области и финансовым возможностям нашего города.

– Пожалуйста, помогите мне. Я умоляю вас. – Женщина не смогла сдержать рыдания. – Мне нельзя остаться без работы. Как же я буду кормить свою внучку, помогать дочери?

– Ваше положение не такое и плохое. Вы пенсионерка. У вас хоть и не большой доход, но все же есть. Не плачьте. Ну, хорошо, хорошо. – Алевтина досадливо поморщилась, увидев, как по лицу посетительницы текут слезы. Рыдания она не выносила. – Я сделаю все, что смогу, чтобы оказать вам... .

В это время зазвонил телефон. Это был междугородний звонок. Она подняла трубку и услышала взволнованный голос старшего сына. Она кивнула головой посетительнице и показала на дверь. Та в слезах вышла из кабинета.

– Что случилось, сынок? – Спросила она, недоумевающая. Сын никогда не звонил ей на работу.

– Мама, у меня неприятность! Ты должна мне помочь. – Ответил сын.

– Объясни мне, пожалуйста, что произошло. Иначе, я не смогу тебе помочь.

– Мама, я получил повестку из военкомата. Меня призывают на службу. Сделай что-нибудь. – Взволновано сказал Виталий.

Предчувствуя долгий и тяжелый разговор, чтобы ей не помешали, Алевтина отключила аппарат внутренней связи.

– Виталий, а может быть стоит пойти в армию? Ты как думаешь? Сколько раз я должна тебя прикрывать? Будь мужчиной!

– Мама, мне скоро уже двадцать два. И я мужчина! И именно потому, что я знаю, что мне нужно и не нужно, я прошу тебя о помощи. Это ты не знаешь, что такое армия в наше время. Или ты хочешь, чтобы я оказался в Чечне, или на подводной лодке типа Курска? Я хочу жить и нормально работать. Мама, ну помоги! Сделай же что-нибудь. – Просил сын.

Алевтина молча слушала. Ее охватывала досада. Ну, что за ребенок? Ну что же это такое. Почему он не может стать настоящим мужиком? Он весь в своего отца! Хотя... . Конечно, если хорошо подумать, то зачем ему служить? В армии и без него ребят достаточно. Но долг перед страной есть долг. И Виталику пора взрослеть. С другой стороны ... если она откажет ему, то сын выкинет что-нибудь этакое, из-за чего ей долго придется краснеть перед жителями города. А она еще не потеряла надежды занять со временем пост мэра. Поэтому идти с сыном на конфликт мать не хотела.

– Хорошо. Я что-нибудь придумаю. – После продолжительной паузы недовольно сказала она и сразу же сменила тон разговора. – Ты мне расскажи, как Володенька. Я давно не получала от него писем. Что с ним, как учится?

В трубке установилось обидчивое молчание.

– Виталик! Виталик! – Кричала она в трубку.

– Ну что ты кричишь! Я слышу тебя. У меня неприятность, а ты только о Вовке! – Раздраженно ответил сын.

– Не молчи, отвечай, что с Володькой. – Начиная тревожиться, потребовала она.

– Я думаю, как тебе сказать. Хотел скрыть. Да глупо. Рано или поздно все равно узнаешь.

– Как-то нехотя произнес Виталий.

– Говори, ничего не скрывай. – Потребовала Алевтина.

Сын вздохнул и, помолчав, очевидно собираясь с мыслями, ответил:

– Мама, Володю исключили из колледжа.

– За что? – Охнула Алевтина.

– Ты только очень сильно не переживай. У него проблема. Он, кажется, курит травку!

– Какую еще травку? – Недоуменно спросила она.

– Ну, мама ты даешь! Живешь в той глуши, отстала от жизни. Ты что с Луны свалилась? Ты что не знаешь, что сейчас молодежь курит?

– Марихуану, что ли? – Охнула Алевтина. – И давно?

– Что давно? Курит или исключили?

– И то, и другое! – Раздраженно ответила она.

– Марихуану, наверное, давно. А исключили вчера. – Спокойно, и даже как будто с удовольствием, или ей это только показалось, ответил сын.

– А ты куда смотрел? Я же тебе Володьку поручила. Ты должен был докладывать мне обо всем, что с ним происходит.

– Ты думаешь, что за ним можно уследить? Я не всегда дома бываю. А Вовка из общежития приходит ко мне не часто. Черт его знал, что он покуривать стал. Да, что ты волнуешься? Лучше забери его к себе, пока он на героин не перешел. Может быть там, у тебя в глуши все позабудется и исправится. А у меня дела посложнее. Как открутиться от службы? Помоги!

Не попрощавшись с матерью, Виталий повесил трубку.

Алевтину ошеломило известие о младшем сыне. Некоторое время она молча сидела, уставившись в одну точку, словно не желая поверить старшему сыну. Но в то же время она знала, что он так жестоко не будет шутить. Он любил брата, хотя и ревновал родителей к нему. Он любил и побаивался мать, и не посмел бы обмануть ее. Что за день такой? Думала она. Почему сегодня ко мне пришла такая беда? Верно говорят – беда не приходит одна. На фоне всех её проблем, известие о младшем сыне казалось непереносимым горем. Подобного несчастья она не ожидала. Но ее растерянность быстро прошла. Гнев и недовольство вновь охватили ее. Ее сынок, ее сын Володя, любимый мальчик, ласковый и добрый, талантливый и способный, стал наркоманом!? Казалось, она не перенесет этот удар. Кто посмел? Кто посмел так поступить с моим сыном? Кто дал ему эту отраву? В следующем месяце поеду в командировку в областной центр, обязательно зайду в колледж. Я потребую расследования и уничтожу виновных. И родителям виновных несдобровать. Она дрожащими руками пыталась набрать номер телефона заведующей городским загсом.

Трубку на другом конце провода подняли после первого звонка.

– Лиля, это я, Аля. Лиля, послушай, у меня к тебе большая просьба. Поможешь? – Спросила она дрожащим голосом, медленно приходя в себя.

– Аля, что у тебя случилось. У тебя голос совсем изменился. Что нужно сделать? – С тревогой спросила Лиля, которой передалось состояние Алевтины. Лиля, заведующая местным загсом, была ее школьная подруга. У них всегда были хорошие отношения, но дружественно доверительными они стали после того, как Алевтина несколько лет назад устроила Лилю на эту должность.

– Лиля, я тебя очень прошу, выпиши свидетельство о браке моему Виталику и свидетельство о рождении ребенка.

– Не поняла! Виталий, что женится?

– Нет, он не женится. Я тебе все потом объясню. Впиши в графу жена любую фамилию, имя и отчество. Можно свидетельство сделать задним числом. А вот в документ о рождении ребенка можно выписать хоть сегодня. Пусть ребенок будет новорожденным. Договорились? Мне срочно нужно.

– Договорились. Я все для тебя сделаю по дружбе. Хотя, я надеюсь, ты понимаешь, что я нарушаю закон и это очень серьезное нарушение?

– Лиля, милая, об этой услуге никто никогда не узнает. Неужели ты мне не доверяешь после стольких лет нашей дружбы? Я забыла спросить тебя, ты еще не подавала на утверждение ведомость на премию?

– Еще не подавала. – Ответила подруга.

– Нужно спешить, сводная по администрации будет подана на подпись главе через неделю. Все отделы представили. Ждем только тебя. Сколько бы ты хотела для отдела?

– Тысяч тридцать было бы достаточно. – Немного подумав, ответила Лиля.

– Многовато. Такую сумму нужно обосновать, а это трудно. Тысяч десять более реально.

– Аля, пойми и мои трудности. Я многим рискую.

– Ну, хорошо, попробуем обосновать твои тридцать тысяч. Но, предупреждаю, это почти невозможно. Завтра с утра принеси мне докладную записку. Я с ней сама пойду к мэру.

– Все сделаю, Аля. Завтра твои документы будут готовы.

Дверь в кабинет внезапно отворилась. На пороге стоял мэр. Остановившимся взглядом, словно пытаясь пригвоздить к стене Алевтину, он посмотрел на нее.

– У вас постоянно занят телефон. Я не могу дозвониться. Что происходит? – Мэр подошел к столу и бросил на стол газету со статьей? – Вы отвечаете за средства массовой информации! Что это за статья? Как она могла появиться в печати? – Мэр говорил медленно, размеренно, но за его кажущимся спокойствием, было видно, как он едва сдерживает гнев.

– Александр Михайлович, я отвечаю за местную печать и телевидение, но к областной газете не имею никакого отношения. – Спокойно ответила Алевтина, твердо выдерживая тяжелый взгляд мэра, и опустила трубку на аппарат.

– Вы знаете, кто автор этой пасквильной статейки? – Спросил мэр. – Уж очень описанные события напоминают наши.

– Я не могу точно сказать, кто автор. Но, похоже, что автор действительно живет в нашем городе. Он очень осведомлен о его жизни. – Осторожно начала она, задумчиво перелистывая бумаги в папке, лежащей перед ней.

– У вас имеются соображения на этот счет? Я убежден, что вы не просто догадываетесь, а знаете, кто написал эту статью!

– Повторяю, что не уверена, но с большей долей вероятности полагаю, что автор работает на нашем телевидении.

– Кто это может быть?

– Думаю, автор Скворцова.

– Почему вы так думаете?

– Перед тем, как придти на телевидение, она работала в газете. Мне знаком ее стиль, ее слог, в конце концов, ее подача материала. Ее статьи, безусловно, отличаются от статей других авторов. И читатели чувствуют убедительность.

– Н-да! Чего-чего, а убедительности хватает. Не захочешь, а поверишь! И этим она слишком опасна. Что-то нужно сделать. – Мэр молча ходил по кабинету из угла в угол и внимательно поглядывал на Алевтину.

«Э, как смотрит, словно ждет от меня подсказки. Пусть не надеется. Я не скажу ему, что нужно делать». – Думала она, изредка поглядывая на мэра. «Сама воплощенная невинность. Но ты, брат, меня не обманешь. За время работы в администрации я и не таких, как ты видела. Я знаю, чем ты дышишь. Ты хочешь отомстить этой Скворцовой и за статью, и за ее невнимание к тебе, за ее отказ быть с тобой! И это мне на руку. Но решение ты примешь сам!». – Встретившись в очередной раз взглядом с мэром, она грустно, словно сожалея, вздохнула и сказала.

– Она честна и работоспособна, кроме того, она, безусловно, смела. Эта женщина, как враг, конечно, опасна.

– Я это уже вижу. Вызовите ее и поговорите с ней. Сделайте ее другом. – Предложил мэр.

– Александр Михайлович, пресса независима. Беседа со Скворцовой не даст нужных нам результатов. Насколько я знаю эту женщину, это не приведет ни к чему.

– Ну и что же сделать? Что остается? – Спросил, останавливаясь у ее стола, мэр. Его жесткий пронзительный взгляд остановился на Алевтине. «Экая стерва». – Думал он. Хорошо рассчитала ход. Да и та, писака. Тоже оказывается с... хорошая. А я-то думал. Я надеялся! Эх, Леля Скворцова, извини, хоть и хороши твои глаза и фигурка, но такие статьи тоже прощать нельзя! Придется тебя уволить. Но и ты, Алевтина, долго работать здесь не будешь. Это я обещаю!»

Алевтина пожала плечами и промолчала, казалось, она внимательно вчитывается в документы, лежащие на столе, и не обращает на него внимания. Но все ее существо было напряжено в ожидании единственно нужного ей решения. Решения, о котором она заранее предполагала, которого ждала, казалось с того момента, как только увидела передачу.

– Н-да! Крайне неприятное решение для нас, но выхода нет. Если она не умеет работать с нами, то пусть отдохнет. Внесите ставку журналиста в подведомственных вам учреждениях массовой информации для сокращения.

После продолжительной паузы, наконец, принял решение мэр и вышел, хлопнув дверь.

Алевтина радостно улыбнулась. Тяжесть, давившая ей сердце с самого утра, исчезла. Она облегченно вздохнула. Все другие проблемы, она, конечно же, обязательно решит, но чуть позже. Сегодня можно отдохнуть.

АЛЕНА, АЛЕНУШКА, АЛЕНКА

Голубоглазая красавица Алёна с первого взгляда покорила убежденного сединой, но все еще молодого душой редактора городской газеты «Игра и розыгрыши» Соломона Казбековича Багирова.

Когда она впервые вошла в его кабинет, закаленному в любовных битвах бойцу, с незаживающими ни в каких жизненных обстоятельствах шрамами на сердце, показалось, что неземное сияние любви в ее наивных задумчивых с таинственной поволокой глазах, нежно проникло в его сердце. В это мгновение он понял, что рубцы от старых ран, полученных в боях давно прошедшей молодости, перестали тоскливо ныть и болеть. Сердце Соломона встрепенулось и забилось с новой силой. Он понял, что влюбился с первого взгляда.

Алёна пришла по объявлению. Газете «Игра и розыгрыши» срочно требовался художник-дизайнер. Соломон, не задумываясь, принял ее на работу скорее не потому, что его заинтересовало резюме, которое Алёна предусмотрительно принесла с собой, а потому что сердце его неожиданно дало сбой. Если бы не этот факт, то жизнь Соломона текла бы также как и прежде – мирно, семейно и беззаботно. Его вполне устраивала жена Валентина, мать его детей, постоянно прощающая его периодические недолгие шалости. Но в этот день Соломон потерял голову окончательно и, как показало ближайшее время, надолго.

Итак, Алёнка заняла должность дизайнера, хотя и не очень хорошо справлялась с новыми для нее обязанностями. Но она очень старалась, и Соломон не упускал случая ей помочь, поглядывая на нее более внимательнее и загадочнее, чем смотрит редактор на сотрудницу.

Но Аленка не обращала внимания на, пылающие нежными чувствам, взгляды Соломона. Она в своем безмятежно молодом возрасте не чувствовала одиночества и пользовалась вниманием более молодых приятелей.

Соломон решил пойти ва-банк. Он заказал статью об Алёнке в своей же газете. Статья получилась очень неплохая. Её автор, молодой и талантливый журналист, Миша, написал о любви Соломона как о своей личной – проникновенно, лирично и по-мужски сдержано. Впрочем, на то он и был журналист, что бы писать по заказу любые статьи и даже объясняться в любви за своего шефа.

Но Алёнку подобные мелочи не трогали. Она оценила статью по-достоинству, и впервые в её взгляде Соломон увидел то, что так долго ждал. Прошло еще несколько дней, и он получил согласие на конфиденциальную встречу.

Поэтому в день, когда долгожданная встреча должна была состояться, он как честный человек поставил жену в известность, чтобы сегодня его не ожидали к ужину а, возможно и к ночи, но на всякий случай предусмотрительно не объяснил причину. Он деликатно ушел от назойливых вопросов жены – куда, зачем и почему?

Вечером после работы, он взял Алёнку за руку и увлек навстречу их совместной жизни. Они направились куда глаза глядят по вечернему проспекту, залитому разноцветными огнями витрин магазинов. А глядели их глаза на пароход «Виктория». Этот выдавший виды пароход вот уже несколько лет стоял пришвартованный у набережной и пользовался неизменным спросом для романтических встреч у влюбленных парочек. Здесь, на верхней палубе находился ночной ресторан, а в нижних каютах – гостиничные номера на двоих.

Ужин был великолепный. Весь вечер Соломон показывал джентльменский набор ухаживаний за любимой женщиной, а ночью – лучшую мужскую форму. После этой встречи влюбленные поняли, что жить друг без друга более они не могут.

Уход Соломона из семьи не подвергался сомнению, ну, а Алёнушка замужем еще не побывала.

Разговор Соломона с женой был тяжелым, неприятным, но крайне необходимым для честного человека. Не стоит о нем и рассказывать. Каждый второй мужчина в стране знает как он происходит. Валентина стоически, как могла, перенесла уход супруга к молоденькой разлучнице, хотя и надеялась, вспоминая совместные годы жизни, что муж ушел ненадолго.

А Алёнка со своим близким приятелем рассталась быстро, современно и по-деловому – без лишних эмоций и ненужных в этом случае мелочей, таких как стеснения, слезы и обиды.

– Милый, прощай. Спасибо за все. Я почти, что уже замужем. – Сказала она своему бойфренду при встрече. Бойфренд тоже был продвинутый парень. Он, как никто другой, понимал ситуацию и ценил независимость женщин, особенно когда их не нужно уговаривать расстаться. Они чмокнули друг друга в щеку и, помахав друг другу на прощание, разошлись. Он направился на свидание к своей новой подруге жизни, а она – к Соломону.

Алена была счастлива. Сегодня Соломон сообщил ей радостную для них новость. Он снял большую квартиру в центре города, приобрел кое-что из мебели и бытовой техники. Они начинают новую счастливую совместную жизнь.

И действительно их жизнь началась безоблачно, несмотря на тучи, сгущающиеся над газетой «Игра и розыгрыши». Газета медленно и верно садилась «на мель», а её сотрудники давно позабыли, как выглядит полученная вовремя заработная плата, да еще в полном объеме.

Но счастливая Алёнка ничего не замечала. Она, как и прежде, получала гонорары в конверте в день заработной платы и в приличном количестве, да и Соломон не забывал о дорогих подарках для любимой. Золотые серьги, кольца, кулоны, дорогие платья и модные туфельки, прежде недоступные для Алёнки, теперь ежемесячно появлялись на ее туалетном столике аккуратно на следующий день после получения.

В выходные дни они выезжали за город любоваться природными красотами и предаваться любви, пусть и не в дорогой иномарке, но и не в устаревшей модели Жигулей. Да, жизнь казалась прекрасной. Ради любимого Соломона она даже сменила яркие нарядные платья на скромные, но изысканные костюмы темных тонов, которые несколько старили ее, придавая пяток лет к ее яркой молодости. Но чем не пожертвуешь для создания счастливой семьи с человеком лет так на двадцать старше тебя.

Одно смущало Алёнку. Не все сотрудники газеты разделяли ее счастье. Чем же они так сильно озадачены, иногда думала она, вглядываясь в огорченные лица коллег. Наконец Алёнка не выдержала гнетущего настроения, стойко витавшего последнее время в редакции, и спросила вошедшего в ее кабинет Мишу.

– Миша, скажи мне, почему все вокруг постоянно озабочены и опечалены?

У Миши не было желания деликатно, чтобы не огорчать лишними заботами, объяснять радостной Алёнке создавшееся положение вещей в газете. В конце концов, она, хоть и гражданская жена, но все же жена главного редактора. И, значит, должна знать, чем живет коллектив, какими мучается проблемами. А проблемы Мишу так окружили и сжали, что вырваться из их круга или решить их можно только уволившись из газеты. Да вот найти новое место

оказалось нелегко. И Михаил, скрепя сердцем продолжал работать, надеясь, что вскоре что-нибудь лучшее таки и подвернется. Потому он с ходу ответил.

– Ты что с Луны свалилась? Мы уже с полгода зарплату не видим. Одни задолженности в расчетах. Скоро газета закроется. Вся в долгах.

Глаза Алёнки округлились от изумления и в них впервые за все эти полгода, что она проработала «Игре и выигрыше», Миша заметил что-то похожее на проблеск мысли.

Алёнка в ответ не сказала ни слова и отвернулась к своему компьютеру, на котором она верстала очередной рекламный буклет.

На следующий день Алёнка не вышла на работу. Не появилась она в редакции и в последующие дни.

Соломон ходил чернее тучи, но крепился, ни разу не сорвался на сотрудников. Ведь он был мужчина, да и какой мужчина. Он был интеллигентный кавказский мужчина со всеми, вытекающими из этого статуса, поступками.

Однако даже кавказский мужчина когда-нибудь и где-нибудь что-нибудь да и скажет такое, из чего можно сделать очень правильные и глубокие выводы. И вскоре весь коллектив газеты знал, что Алёнка забрала свои вещи, подарки, даренные ей Соломоном, кое-что из бытовой техники и навсегда покинула Соломона и его газету.

Соломон остался один. Его жена, к несчастью, русская женщина, устав ожидать его из очередной отлучки, наотрез отказалась принимать супруга обратно. За время пока блудный муж был в отсутствии, она познакомилась с каким-то иностранцем и решила уехать с ним в дальние страны за лучшей и счастливой жизнью. Соломон, оставшись без Алёнки, жены и квартиры, перешел жить к своему приятелю куда-то на дачу.

Однако каждая печальная полоса рано или поздно заканчивается. Прошло несколько лет, и на его горизонте появилась новая сероглазая русская красавица. Но это уже новая история.

Алкоголик

После затянувшейся допоздна встречи с приятелями, на которой было выпито несколько бутылок водки, Андрей лег поздно, почти под утро и, конечно, не выспался. Тяжелая голова, казалось, не отрывалась от подушки. Сильно ломило в висках, а в горле стояла тошнота. Но старенький будильник, побывавший не в одном десятке ремонтов, нутужно трещал, звенел, напоминая о неумолимом времени.

«Еще пять минут полежу. Успею на работу». – Подумал он, вновь засыпая. И вскоре уже не слышал его хриплый тяжелый звон.

– Да что же это такое? Почему ты не встаешь? Хочешь опять опоздать? – Услышал он возмущенный голос. Открыв глаза, Андрей увидел склонившееся над ним лицо матери. Она сердито смотрела на сына.

– Сейчас, встану, мама. – Покорно ответил он, поворачиваясь на другой бок и натягивая сползшее одеяло.

– Бужу тебя, бужу и никак не добужусь. Вставай, говорю тебе!

– Ну, хорошо, уже встаю! – Андрей сел на постели, опустил ноги на пол, поискал тапочки и, надев их, побрел в ванную комнату.

Он включил свет и посмотрел на себя в зеркало. «Да, хорош! Фейс! Эх лучше бы не видеть!» Отметил он, рассматривая отекие веки, покрасневшие глаза, выросшую за ночь щетину. Андрей быстро умылся, побрился, оделся и вышел на кухню. На столе уже стояли тарелка с бутербродами и большая чашка горячего чая. Его мать, Вера Федоровна, приготовив завтрак сыну, возилась у плиты. Андрею есть не хотелось, хотелось выпить. «Пивка сейчас бы не помешало». Подумал он, и в надежде, что в холодильнике сохранилась хотя бы одна банка, дрожащими руками открыл дверцу.

– Не ищи. Еще вчера с друзьями все выпил. Это и хорошо, что ничего больше не осталось. – Недовольно сказала мать. – Сколько можно пьянствовать? Ты считал дни, когда трезвым-то на неделе был? Может, хоть сегодня пить не будешь? У меня уже надежда исчезла.

Андрей с сожалением захлопнул дверцу холодильника, сел за стол, выпил чай, с трудом заставил себя съесть один бутерброд, а от остальных отказался. После завтрака стало немного легче. Он натянул куртку и вышел из квартиры.

На улице, подстать настроению, стояла пасмурная и холодная погода. Дул резкий ветер, нагоняя с севера низкие серые облака, моросил мелкий дождик. Утренняя прохлада освежила его, голова переставала болеть, настроение понемногу улучшилось, он бодро зашагал на работу.

Часы, установленные несколько лет назад над дверью, ведущей в цех, остановились и показывали без десяти семь. Андрей посмотрел на свои ручные. Время уже перевалило за восемь. Он знал, что опаздывал, но не спешил. Летом работы, как правило, было мало, а свободного времени у рабочих, напротив, оказывалось предостаточно. Начальство предлагало идти в отпуск, чтобы без дела не слоняться по цеху. Этим летом в их цехе работали всего трое.

Андрей не поехал в отпуск. Но настроение у него, как обычно летом, держалось отпускное. В это время всегда трудно заставить себя работать, а в последние годы особенно.

Летом в выходные и дома можно провести с пользой – съездить с друзьями на рыбалку, на охоту. А там, само собой, разрядка хорошая. Стоит только посидеть с приятелями у костра, поесть уху, как настроение улучшается. Нужно как-нибудь поехать на острова и сына взять. Галка отпустит Колю. У него скоро каникулы закончатся, тогда он не сможет поехать со мной. Вот только мотор отремонтирую на днях, если нужные запчасти найду. А если на рыбалку не удастся выехать, так можно каждый погожий денек использовать – вечером, после работы

посидеть на берегу. Хорошо! А, в общем, настроения работать нет. Всю охоту вкалывать отбили за последние годы. То у предприятия денег нет, платить зарплату нечем, то заказов нет, заказчики разорились и свернули производства. Так и перебиваемся с копейки на копейку, с заказа на заказ. Лениво думал он, не очень огорчаясь тому, что не удалось съездить в отпуск.

В раздевалке никого не было. Он открыл свой шкафчик, переоделся в рабочий комбинезон и вошел в цех.

Начальник цеха, Прокопич, стоял рядом с его станком. Он что-то недовольно выговаривал Тимофею, напарнику Андрея. Рядом с грузным, высоким начальником цеха щуплый, подвижный Тимофей казался провинившимся школьником. Он внимательно слушал Прокопича, смотрел на него преданными глазами, кивая головой в знак согласия, как будто всем своим видом говорил. В эту минуту вы сообщаете мне нечто столь значительное, столь важное, без чего дальнейшая моя жизнь не будет иметь смысла. Да, умеет мужик прогибаться под начальство. Отметил Андрей при виде этой сцены. В подобные минуты он испытывал неприязнь к напарнику. Ученик токаря, Шурик, закреплял заготовку в патрон своего станка.

Андрей подошел к своему рабочему столу и стал выбирать резцы нужного размера. «Черт начальство принес так рано». – Подумал он.

Увидев Андрея, Прокопич подошел к нему.

– Опаздываешь! – Недовольно сказал он.

– Виноват. Больше не повторится. – Андрей отвел глаза от оценивающего взгляда начальника цеха, смотревшего на него в упор.

– Не повторится?! Ты на работу ежедневно опаздываешь. Смотри у меня. Сам знаешь, сейчас время такое, что и профсоюз тебе не поможет. – Не удержался от угроз Прокопич.

– Да, что вы меня пугаете?! Думаете, работу не найду?

– Найдешь, но сначала постоишь на учете в центре занятости. Там таких, как ты, желающих поработать, много.

Тридцать шесть стукнуло, а ведет себя как пацан несмышленный. Думал Прокопич, сердито разглядывая Андрея. Опытным взглядом повидавшего многое в этой жизни, пройдя все ее заковыристые тропки, Прокопич отметил подрагивание рук, красные опухшие веки, нервозность в поведении Андрея. Руки у него мастеровые, а так бы давно пора выгнать за пьянку и за опоздания. Хотя если выгонишь, то в конец сопьется. После развода с Галиной совсем в разнос пошел. Раньше жена и работа удерживали от запоев, сейчас только работа. Если так и дальше пойдет, меры приму. Пусть потом не жалеет. В сердцах думал Прокопич. Помолчав немного, он недовольно сказал.

– Ты пока отложи вчерашний заказ. Сегодня срочная работа. На водоподъеме насос вышел из строя. Детали от него уже привезли, заготовки сам тебе подбирал. И внимательней там! – Понимая состояние Андрея, на всякий случай грозно напомнил Прокопич. Отдав распоряжение, он вышел из цеха.

– Понятно. Буду стараться, не новичок! – Бросил в след, удаляющейся спине начальника, Андрей.

Его руки все еще дрожали, когда он взял штангенциркуль, чтобы замерить отверстие, выбирал нужный инструмент, вставлял деталь в патрон станка, крепил резец. Но понемногу, по мере того, как он входил в ритм работы, пальцы приобретали привычную твердость, а движения – уверенность. Станок мерно работал, из-под резца выползала тонкая, спиральная стружка. Он, не отвлекаясь, следил за работой машины и так увлекся, что непроизвольно вздрогнул, когда чья-то рука опустилась на его плечо.

– Кончай работу. Перекур. Пойдем отдохнем. У меня пиво есть. – Предложил напарник.

Из своего шкафчика Тимофей вытащил бутылку пива, открыл ее и поставил на стол. Они не стали разливать по стаканам, а по очереди приложились к горлышку. К ним подсел

Шурик. Он жалостливо, ожидающе заглядывал им в глаза. Тимофей потряс пустой бутылкой и перевернул ее дном вверх.

– Хорошо, да мало. – С сожалением сказал он.

Андрей вытащил из кармана куртки купюру, посмотрев на Шурика, кивнул на дверь.

– Бегом. Одна нога туда, другая обратно! Усек? Быстренько.

– Эх, чтобы мы делали, если бы у проходной ларек не открылся? – Удовлетворенно заметил Тимоха, когда Шурик минут через десять появился в курилке. – Особую благодарность от рабочего класса нашим коммерсантам вынести нужно. С их помощью и перерыв для отдыха разнообразнее и приятнее становится.

– Какой еще такой рабочий класс? Нет, нынче, классов. Мы теперь электорат! А если не рабочий класс, то и работать как-то не очень охота. – Лениво парировал Андрей.

– Так один хрен рабочий класс или электорат. От этого в жизни мало что поменялось.

– А что значит электорат, дядя Андрей? – Опять спросил Шурик.

– Это, брат, избиратель. Каково слово. Избиратель! – Ответил Андрея, разливая по стаканам водку. Он залпом выпил из стакана и закурил. Появилась легкость в теле, радостное настроение в душе. Он шутливо сказал.

– Книжки нужно читать в перерывах между девчонками и выпивкой. Тогда, брат, грамотным станешь.

– Так я дядя Андрей только с вами на работе и пью. Дома ни-ни. Мать сердится. – Вино вато ответил Шурик.

– Мужики, Прокопич сказал, что сегодня зарплату выдавать будут. Может встретимся вечерком, посидим, пообщаемся, как положено?. – Предложил Тимоха.

– Я не смогу. – Отказался Шурик. – Сегодня вечером с ребятами на рыбалку на острова едем и останемся на выходные.

– Да, я и позабыл, что сегодня конец рабочей недели. Надо отметить это событие. – Согласился Андрей. – Прокопич отпустит за зарплатой часа в четыре, так мы с тобой, Тимоха, сразу в магазин махнем.

– Я вас отпущу. Вы у меня дождетесь! – Услышали они гневный голос начальника цеха. Прокопич стоял у открытой двери. Его карие, большие навывкате глаза под густыми черными бровями налились гневом. Щека нервно подергивалась. – Почему пьете в рабочее время? Андрей, зайди ко мне в кабинет!

Андрей поднялся из-за стола и пошел вслед за начальником. В кабинете Прокопич грузно опустился на стул. Он с трудом сдерживал накопившееся раздражение. Спрашивается, какого дьявола я должен нянчиться с этим пьяницей? Времена, когда их на поруки брали, цапки с ними разводили давно прошли. Мало у меня своих проблем что ли, еще эту на своей шее тащить? Выгнать, вот так просто, тоже нельзя, как-то не по-человечески получится. Ну, последний шанс ему даю, а там пусть думает сам. Думал он, со злостью поглядывая на стоящего у двери Андрея и барабанил пальцами правой руки по столу. Затем он, приняв окончательное решение, все также молча вытащил чистый лист бумаги, положил его на стол, вынул авторучку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.